

АРХИВ

А.Д. Майданский, Е.Э. Иллеш

Э.В. Ильенков и Московский логический кружок: материалы полемики

Майданский Андрей Дмитриевич – доктор философских наук, профессор. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; ассоциированный научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: amaid@rambler.ru

Иллеш Елена Эвальдовна – кандидат психологических наук, научный сотрудник. Белгородский государственный национальный исследовательский университет. Российская Федерация, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85; e-mail: elillesh@gmail.com

В публикации освещается почти забытый спор между двумя течениями отечественной философии, возникшими на пороге «оттепели». Их лидерами стали вчерашние аспиранты МГУ Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев. Спор развернулся вокруг методологии «Капитала» К. Маркса, а затем перерос в дискуссию о предмете диалектической логики и о специфике мышления. В архиве Ильенкова сохранились тезисы его выступлений и критические заметки о позиции Зиновьева и его сторонников из Московского логического кружка. Эти материалы публикуются ниже. В сопроводительной статье реконструируются контексты полемики – теоретические, историко-культурные и личностные – и взвешиваются аргументы сторон. Показана неправомерность характеристики Ильенкова как «гносеолога». Отстаиваемый им тезис о диалектическом тождестве мышления и бытия сводит на нет само различие между гносеологией и онтологией. Вскрыты кантианские истоки решения проблемы специфики мышления у Зиновьева и его учителей, профессоров МГУ. Все они декларировали различие между «субъективной диалектикой» в человеческой голове и «объективной диалектикой» внешнего мира – в противовес принципу тождества мышления и бытия, который расценивали как мистику «гегелянщины». Ильенков же указывал, что это тождество совершается перед нашими глазами на практике – в процессах человеческого труда.

Ключевые слова: диалектическая логика, гносеология, восхождение от абстрактного к конкретному, специфика мышления, тождество мышления и бытия, А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили, советская философия, Московский логический кружок

Для цитирования: Майданский А.Д., Иллеш Е.Э. Э.В. Ильенков и Московский логический кружок: материалы полемики // Отечественная философия. 2024. Т. 2. № 2 С. 62–86.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00130 «Э.В. Ильенков и конец классической марксистской философии».

Советская философия с момента её возникновения была служанкой марксистско-ленинской политической идеологии. Без учёта этого фактора понять эволюцию советской философии нельзя. Вместе с тем в её недрах текли процессы, подтачивавшие ленинский «принцип партийности» и власть идеологов над умами и перьями философов. Свобода мысли от рождения свойственна философии, а марксизм, как известно, родился из критики «идеологии вообще, немецкой в особенности».

После смерти «корифея всех наук» (1953) практически немедленно на свет появились два течения, претендовавшие на создание новой методологии научного мышления на основе обращения к «Капиталу» и рукописному наследию К. Маркса. Основатели этих течений, Э.В. Ильенков и А.А. Зиновьев, принялись реконструировать Марксов «метод восхождения от абстрактного к конкретному», видя в нём логику научного открытия, которую можно использовать в любых областях науки. С разницей в один год Ильенков (1953), а за ним Зиновьев (1954), защитили свои кандидатские диссертации на эту тему.

У каждого из них имелся свой круг последователей, как правило, более молодых, из послевоенного поколения. Между двумя «партиями» годами кипела полемика о предмете логики и природе логических «форм мышления». По многим причинам эта полемика не нашла прямого выхода в печать. Какие-то материалы её встречаются в архивных записях и воспоминаниях участников, в стенограммах конференций и диссертационных делах. Например, в деле М.К. Мамардашвили, у которого официальным оппонентом был Ильенков¹.

Публикуемые впервые рукописи Ильенкова содержат наброски его выступлений 1950-х гг. и критические заметки по поводу работ Александра Зиновьева, его близкого друга по жизни, соавтора институтской стенгазеты и непримиримого оппонента в науке².

Позиция Зиновьева получила известность несколько позже. Ильенков с его другом В.И. Коровиковым преподавали на факультете и имели возможность обращаться в свою «веру» студентов, в то время как Зиновьев ещё доучивался в аспирантуре. По воспоминаниям Мамардашвили, когда он штудировал диссертацию Ильенкова, ему ничего не было известно о готовящейся диссертации Зиновьева и уже шедшей полемике:

Обо всём этом я понятия не имел, и по содержанию, воспользовавшись наработанным Ильенковым, шёл дальше в своих собственных представлениях, критически отталкиваясь от стиля и решений, им предложенных. Потом это отталкивание совпало с существовавшей полемикой... [против] ильенковщины, скажем так, а водоразделом оказалось то, что мы называем гегельянщиной и онтологизацией приёмов и способов мысли в виде свойств мира³.

Полемика была избран, по взаимному согласию сторон, «Капитал».

Обвинения в «гегельянщине» адресовали Ильенкову не только Зиновьев со товарищи, но и старая гвардия сталинского призыва, от декана В.С. Молодцова до З.Я. Белецкого и (несколько неожиданно) Б.М. Кедрова. Главным основанием для критики послужил ильенковский тезис о тождестве мышления и бытия и, как следствие, о совпадении логики и гносеологии – с онтологией. Одновременно противники Ильенкова

¹ Материалы дела с развёрнутым комментарием были недавно опубликованы: Советская философия сознания: этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М.: Канон+, 2023. С. 253–297. В Послесловии обрисованы обстоятельства и контексты полемики Ильенкова с зиновьевцами, к числу которых принадлежал и «ранний» Мамардашвили.

² О том, как непросто, порой драматически, развивались их личные отношения см.: Илеш Е.Э. «Дело Ильенкова» и «дело Зиновьева» // Человек. 2017. № 5. С. 7–24.

³ Мамардашвили М.К. Начало всегда исторично, т.е. случайно // Вопросы методологии. 1991. № 1. С. 45.

прозвали его «гносеологом», демонстрируя тем самым полное непонимание его позиции. Ведь если формы мышления и бытия *тождественны*, то само различие гносеологии и онтологии лишается смысла. Точнее сказать, оно *снимается*, превращаясь в снятое различие, в различие *внутри тождества*.

У Ильенкова речь идёт, конечно, не об элейском (т.е. формальном) тождестве мышления и бытия: «одно и то же мыслить и быть», – но о диалектическом *тождестве различённого*. Каждая категория диалектической логики является формой мышления, выражающей особую форму бытия. Мышление есть *выражение* бытия, или *отражение* бытия в нём самом. В таком случае в мышлении нет и не может быть ни одной категории, которая бы не являлась отражённой (рефлексивной) формой бытия.

Ещё Г.В.Ф. Гегель передал категории онтологии в ведение «объективной логики», а категории старой теории познания и силлогистики отошли к «субъективной логике». При этом он оговаривается, что «логическое следует вообще понимать... как систему определений мышления, в которой противоположность между субъективным и объективным (в её обычном значении) отпадает»⁴.

Соглашаясь с таким пониманием «логического», Ильенков, однако, отвергает приводимый Гегелем довод в пользу тождества субъективного и объективного, мышления и бытия. Ссылаясь на «древних философов», учивших, что миром правит разум, Гегель превращает мышление в объективный закон мироустройства. Ильенков же *переосмысливает понятие субъективного*.

Уже в своей кандидатской диссертации, писавшейся на закате сталинской эпохи, Ильенков предлагает понять субъективное как форму практической деятельности человека. «Субъективное» перестаёт быть синонимом «духовного» или процессов, протекающих в мозгу, где-то в толще серого вещества. Различие субъективного и объективного есть различие двух сторон, или «моментов», *трудовой деятельности* общественного человека, или, что то же самое, *практики* преобразования мира человеческим трудом.

Если это и «гегельянщина», то материалистически переосмысленная, поставленная с головы на ноги. Человек выступает как «субъект» не только когда он мыслит, «шевелит извилинами», но и когда он трудится, формируя вещество природы в соответствии со своими потребностями. Выделение мышления в особое занятие, в профессию, происходит вследствие *разделения труда* на физический и духовный.

В процессе труда природа субъективируется, «распредмечивается», а мысли, идеи объективируются, «опредмечиваются» в природном веществе. Таким образом, труд есть не что иное, как процесс взаимного превращения объективного и субъективного, наглядное, практически истинное «тождество» того и другого. Отождествление мышления и бытия совершается перед глазами у всех и каждого, мало того, оно *производится* нашими собственными руками, когда мы делаем ими какие-нибудь полезные вещи:

Производство выступает в качестве непосредственного *единства* субъекта и объекта... Чем богаче развита *производящая природа человека*, тем больше природа становится природой для человека, тем больше сторон, свойств, качеств, закономерностей внешней природы становятся «полезными» человеку, тем больше *совпадают, сливаются* в реальном материальном процессе производства «субъективное» и «объективное»... Различие *субъективного и объективного* у Маркса впервые утратило характер различия между духом и материей и было понято в своей основе как различие *внутри материи*, как различие между теми сторонами природы, которые уже стали предметом

⁴ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 121.

материально-практического человека, и всем богатством объективной природы вне человека⁵.

Эти строки взяты нами из кандидатской диссертации Ильенкова, но не из официальной версии, а из той, что писалась им «по гамбургскому счёту», без оглядки на мнение научного руководителя (Т.И. Ойзерман оставил массу неодобренных замечаний на полях рукописи и всё допытывался: «а где это у Маркса?»). В итоге Ильенков счёл за лучшее убрать свою рукопись в стол и за оставшиеся до конца аспирантуры полгода написал новый текст объёмом около 12 авторских листов, который без особых проблем удалось защитить.

Предлагаемая читателю работа «О тождестве и различии между “логическими” и “онтологическими” определениями (категориями)» является частью спора Ильенкова с противниками принципа тождества, в первую очередь – из Московского логического/методологического кружка⁶. Тогда в него входили Г.П. Щедровицкий, Б.А. Грушин, Н.Г. Алексеев, В.А. Костеловский, уже упомянутый Мамардашвили и собственно «Основатель», как именует себя в своих мемуарах Зиновьев⁷. Это и есть те самые не названные Ильенковым по имени логики-методологи, которым, по его словам, «словечко “специфика” начинает казаться панацеей, спасением от бесплодного нагромождения “примеров”». Именно они предлагали «исследовать “специфику” проявления всеобщих законов и форм диалектического развития в разных областях действительности и познания – “специфику” как бытия, так и мышления»⁸.

«Постулат специфики» мышления и бытия выдвигался против «принципа тождества». Спасение от мистики «гегельянщины» нашлось в логике «кантианщины». Не кто иной, как Кант, резче всех подчёркивал специфичность процессов мышления и объявил «догматиками» приверженцев принципа тождества мышления и бытия. Знаменитый «коперниканский поворот» Канта вырыл непреодолимую пропасть между «мыслить» и «быть», между миром вещей в себе и познающим субъектом. Кантовская логика занимается исключительно специфичными для мышления формами восприятия и суждения. На том твёрдо, как Лютер, стоят и все неокантианские школы.

«Гносеологами», в полном смысле этого слова, были на самом деле участники Московского логического кружка, а не Ильенков с Коровиковым. «Конституирование “гносеологии” в особую науку и исторически, и по существу связано с широким распространением неокантианства», – отмечал Ильенков⁹. Это общеизвестный факт. Объявить кого-либо «гегельянцем» и одновременно, не переводя дыхания, «гносеологом» были способны лишь слабовато подкованные выпускники Института красной профессуры, вроде Молодцова с Гагариным (пара деканов МГУ времён Ильенкова).

Зиновьев и «младокантианцы» не имели намерений превращать термин «гносеолог» в ярлык для своих оппонентов. Зиновьев определял гносеологию как «обобщённое описание действий» познающего субъекта, в то время как онтология

⁵ Ильенков Э.В. Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса «К критике политической экономии» // Ильенков Э.В. Логика Маркса: Собр. соч. Т. 7. М., 2023. С. 261–268.

⁶ В архиве есть ещё одна работа на эту тему, где прямо названо имя Мамардашвили: Ильенков Э.В. О различии между «логическими» и «онтологическими» определениями // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М., 2017. С. 343–354.

⁷ Зиновьев и Мамардашвили довольно быстро прекратили участие в собраниях, на смену им пришли ещё полдюжины молодых голов.

⁸ См. ниже: Приложение 1. Ильенков Э.В. О тождестве и различии между «логическими» и «онтологическими» определениями (категориями).

⁹ Ильенков Э.В. Ленинская идея совпадения логики, теории познания и диалектики // Философия и естествознание / Под ред. М.А. Маркова и др. М., 1974. С. 41.

занимается «обобщённым описанием эмпирических объектов»¹⁰. Наряду с логикой, изучающей «языковые средства» познания, гносеология с онтологией образуют разделы «интеллектологии», науки о «логическом интеллекте», которой, как свидетельствует сам Зиновьев, он занимался с 1951 г. (когда поступил в аспирантуру).

Метод восхождения от абстрактного к конкретному Зиновьев трактовал как специфический «приём мышления», не выражающий ровным счётом ничего объективного – как чисто субъективную «форму мысли»¹¹. В мире «эмпирических объектов» нет ничего, что соответствовало бы такого рода «приёмам». Осуществляемая с их помощью «связь абстракций» отлична от реальной связи мыслимых вещей. Один и тот же предмет можно познать разными «приёмами», так же как носок можно связать спицами с помощью различных техник, каждая из которых вполне субъективна. Изобретение и использование технических приёмов познания и составляет предмет изучения гносеологии.

Для Ильенкова же восхождение от абстрактного к конкретному – это объективно реальная форма развития любых природных и общественных вещей, отражаемая в движении понятий. Всякий конкретный (= целостный) предмет развивается из «клеточки», которая на первых порах своей истории является абстрактным (= односторонним) моментом иного «органического целого», элементом иной системы. Например, товарный обмен возникает в системе натурального производства как случайный момент взаимосвязи между продуктами труда (первую форму стоимости Маркс поэтому именует «единичной, или случайной»). Со временем стволовая «клеточка» товарных отношений развивается в рынок, возникает товарное производство, и, в конце концов, на этой основе образуется целая экономическая формация. Так, в двух словах, выглядит эволюция товара «от абстрактного к конкретному», и Маркс нашёл тот единственный метод, который только и позволяет её понять. Благодаря этому открытию ход теоретической мысли совпал с ходом вещей, мышление достигло «тождества» с бытием и наступил *момент истины* (тождество мысли с предметом и есть не что иное, как истина, согласно её классическому определению).

Эту логику восхождения к конкретному тождеству мышления и мыслимого предмета Мамардашвили и называет «онтологизацией приёмов и способов мысли в виде свойств мира». Здесь он, как и остальные участники логического кружка, солидарен со своими факультетскими наставниками. Те тоже, как вспоминает В.А. Лекторский, «подчёркивали различие, несовпадение: субъективная диалектика – в голове человека, а объективная диалектика – учение о мире, о процессах, которые в мире происходят»¹². Так учили не только «красные профессора», но и серьёзные специалисты по логике уровня В.Ф. Асмуса и С.А. Яновской. И с ними тоже Ильенков, вчерашний аспирант, не стеснялся вступать в жёсткую очную полемику, когда те оказывались «по одну сторону баррикады вместе с И. Кантом»¹³.

По той же причине Ильенков в предлагаемой работе обращается к аргументам Фихте и Гегеля против Канта, вместе с тем показывая, что субъективистская традиция в логике, в лице Карнапа и Витгенштейна, неизбежно оканчивается уходом в область языка и «знаковых операций». Такую эволюцию проделывал на глазах

¹⁰ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 42.

¹¹ «С учётом сказанного мы в дальнейшем будем термин “форма мысли” употреблять в смысле субъективной связи, структуры» (Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М., 2022. С. 26).

¹² Лекторский В.А. Глазами очевидца // Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955) / Авт.-сост. Е. Иллеш. М., 2016. С. 11.

¹³ Ильенков Э.В. Концепция диалектики у С.А. Яновской // От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М., 2017. С. 343.

Ильенкова и его друг «Сашка» (как близкие друзья звали Александра Зиновьева). Он ушёл в формальную логику, задачу которой, вслед за неопозитивистами, усматривал в «усовершенствовании языка», и принялся разрабатывать «правила образования терминологии науки и правила оперирования языковыми конструкциями»¹⁴.

Собственно говоря, и сам Ильенков понимал предмет формальной логики так же. Он ни в коей мере не отрицал ценность формально-логического исследования языковых форм, как это часто изображают критики Ильенкова. Другое дело, что он считал «языковые средства» *внешними формами выражения* мышления, строжайшим образом отличая их от *внутренних, категориальных форм* познания мира, изучаемых в диалектической логике.

В архиве Ильенкова сохранились листы к какому-то выступлению (название и дата не сохранились). Одно место, касающееся Зиновьева и формальной логики, мы хотели бы привести целиком.

То, что называют «специфическими формами и законами мышления» формальные логики, есть на самом деле специфические формы и правила (а не «законы», ибо «законов» нарушать нельзя – в этом весь смысл категории «закон») выражения процесса мышления в речи, в языке, в лингвистических структурах и знаковых системах, «каркасах» и т.п. «внешних формах» мышления.

Поэтому я думаю, что тот же А.А. Зиновьев занимается нужным и важным для людей науки делом, исследуя эти *внешние* формы движения мышления как субъективного процесса, или же мышление со стороны форм его выражения в языке. «Язык» тут – в широком смысле слова, в том смысле, в каком его и понимают формальные логики.

Я совершенно искренне думаю, что такое исследование имеет свой реальный предмет и помогает многое понять именно в процессе мышления, то есть в предмете подлинной Логики, ибо *формы проявления* любого процесса (в том числе и мышления) надо изучать не менее тщательно, чем внутренние законы, управляющие движением этих форм, не менее тщательно, чем диалектические законы мышления, чем законы и категории диалектики.

Понятно, что языковые, знаково-символические формы никогда не совпадают с формами бытия реальных вещей. У них свои правила и своя специфика. Верховным законом для них является запрет противоречия в определениях одной и той же вещи и т.д. Весь этот формально-логический скарб Ильенков отвергать и не думал.

Типичное для формальных логиков заблуждение начинается там, где они выдают эти формы *выражения* мысли за формы её реального *осуществления* (принимая внешние логические формы за внутренние), когда утверждают, что движение этих языковых форм и есть процесс мышления, а мышление представляют как внутреннюю речь:

Такое понимание, оправданное и законное в психологии, сразу же оказывается недопустимо узким и потому ложным, как только его переносят без корректив в логику... Под мышлением при этом понимают *нечто вроде внутренней речи*, нечто вроде немого монолога и потому исследуют это мышление лишь постольку, поскольку оно выражено или выражается в виде речи внешней – устной или письменной «экспликации». Вот это-то старинное, ходячее и на первый взгляд самое «естественное» представление о мышлении, распространённое именно в силу своей кажущейся естественности, и лежит в основе огромного числа логических теорий¹⁵.

Для Ильенкова же подлинная специфика процесса мышления заключается в *идеальной чистоте отражения* законов, причинно-следственных связей и форм развития мыслимых вещей. Специфика логических категорий – в их *всеобщности*

¹⁴ Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2000. С. 42–43.

¹⁵ Ильенков Э.В. Гегель и проблема предмета логики // Философия Гегеля и современность / Под ред. Л.Н. Суворова и др. М., 1973. С. 125.

и универсальности, а не в их отличии от «бытия» и его реальных форм. Мышление позволяет человеку выразить суть дела и воспроизвести предмет «как есть», не принося в его понятие никакой субъективной «отсебятины» и не изменяя сам реальный объект как таковой. В этом и состоит природа мышления и его специфика как предмета Логики.

Безусловно, у мышления имеются и свои специфически-субъективные формы языкового выражения, разные для разных культур, и особые материальные формы осуществления в мозгу и в поведении человека. Такого рода «специфика» мышления изучается не только в формальной логике, но и в лингвистике, психологии, физиологии высшей нервной деятельности и иных науках о человеке как мыслящем существе. Логика с большой буквы, диалектическая, не может и не должна покушаться на их законные владения, равно как и они, в свою очередь, не имеют права претендовать на понимание *идеальной природы* мышления – мысли как таковой, «в собственном соку».

В помещаемых ниже материалах из домашнего архива Ильенкова собраны все его уцелевшие комментарии к работам Зиновьева, начиная с его кандидатской диссертации и заканчивая листом, в котором им дана нелюбезная оценка эволюции логических взглядов Зиновьева.

В конце 1960-х гг. их старая дружба кончилась, а философские дороги разошлись ещё раньше. Разошлись и дороги житейские. Зиновьев стяжал немалую славу на Западе, а вернувшись в постсоветскую Россию, был принят на государственном уровне и принялся защищать сталинизм (Ильенкову органически ненавистный).

«У меня были с Зиновьевым хорошие отношения, пока он не расплевался с марксизмом в логике и не стал издеваться над диалектической логикой», – скажет Ильенков на заседании партийной комиссии по делу Зиновьева¹⁶. И это был самый жёсткий упрек, высказанный им в адрес «Сашки» публично. Он очень переживал разрыв дружеских отношений и скандальный отъезд Зиновьева. Ну а тот ни в своих мемуарах, ни в стенах МГУ по возвращении на родину не найдёт для бывшего друга ни одного доброго слова – ничего, кроме пренебрежительных реплик и обвинений.

Так завершился спор, начавшийся когда-то на полях Марксова «Капитала».

¹⁶ Ильенкова включили в эту комиссию как человека, некогда давшего Зиновьеву рекомендацию для вступления в КПСС. Подробнее см.: *Илеш Е.Э.* «Дело Ильенкова» и «дело Зиновьева» // Человек. 2017. № 5. С. 7–24.

Приложение 1

**О тождестве и различии между «логическими»
и «онтологическими» определениями (категориями)¹**

В этой форме в последнее время часто встаёт вопрос о путях и способах разработки как диалектики, так и логики.

Возник он непосредственно на почве неудовлетворённости тем способом разработки и изложения (соответственно, изучения) диалектики как науки, при котором она сводится к «сумме примеров», подтверждающих одни и те же, уже известные всеобщие истины.

Всем ясно, что содержание самих формул ни на йоту не обогащается от того, что их подтверждали «современными» примерами. Когда закон перехода количественных изменений в качественные иллюстрируют не кипением воды в кастрюле, а моментом взрыва атомного заряда при достижении им критической массы, то это ровно ничего не изменяет в формулировке самого закона.

Правда, некоторые авторы думают, что в этом и заключается конкретизация диалектических формул, их «конкретное» раскрытие. В одних, мол, условиях, закон диалектики проявляет себя так, в других – эдак, в одних условиях он «применяется» так, а в других – так. Поэтому главный путь разработки диалектики состоит в том, чтобы исследовать «формы проявления» законов диалектики в различных областях действительности и познания – показывать «специфичность» их проявления в биологии, в химии, в истории познания и т.д. и т.п. Но это, как нетрудно понять, лишь разновидность всё того же сведения к сумме примеров.

Возникает сомнение: может быть, дело не в количестве «черт»? Если взять не четыре², а шестнадцать, двадцать четыре или четырёста двадцать черт (законов, формул и т.д.), то изменится ли от этого дело? Ведь эти «подтверждаемые» формулы по-прежнему будут выражать то абстрактно-общее, что одинаково свойственно и мышлению, и бытию (а бытие – это природа плюс общество), и не будут выражать ни специфики «мышления», ни «специфики» бытия.

Отсюда часто и делается вывод, что вообще уже незачем возиться с разработкой диалектики в её всеобщей форме. От неё, де, надо уйти в «конкретную» разработку, в исследование диалектики биологических процессов, диалектики развития языка, диалектики, наконец, самого «процесса познания» и т.д. и т.п. Надо исследовать «специфику» проявления всеобщих законов и форм диалектического развития в разных областях действительности и познания – «специфику» как бытия, так и мышления.

Словечко «специфика» начинает казаться панацеей, спасением от бесплодного нагромождения «примеров».

Это рассуждение применяется и к логике, как науке о «мышлении». Логика это-де, такая же специальная наука, как физика или математика, как биология или политэкономия. Стало быть, она, как и любая другая наука, должна выяснять не то «общее», что её предмету свойственно вместе с любым другим предметом, а «специфическое».

Отношение диалектики к логике с этой точки рисуется тем же самым, что и отношение диалектики к химии, к психологии, к математике и т.д. Диалектика-де, рас-

¹ Девять пронумерованных машинописных страниц. Работа оставлена неоконченной, стр. 3–4 не сохранились. (Сноски и примечания здесь и далее наши. – А.М., Е.И.)

² Имеются в виду четыре «основных черты марксистского диалектического метода» в сталинском «Кратком курсе»: (1) всё в мире взаимосвязано, (2) всё изменяется и развивается, (3) количественные изменения переходят в качественные, (4) развитие совершается в борьбе противоположностей.

крывает абсолютно всеобщие формы и законы всего существующего, и её категории по отношению к категориям логики, химии, физиологии и прочих наук суть «родовые понятия», абстракции, в которых погашена специфика мышления, как и специфика любой другой области исследования. Логика же исследует именно «специфику» мышления.

На первый взгляд эта точка зрения кажется весьма убедительной и плодотворной, по крайней мере для логики. Однако она молчаливо предполагает, что диалектика уже по существу исчерпала себя в качестве науки и что «всеобщие формы и закономерности природы, общества и мышления» уже всем давно ясны и разработаны в их содержании. Речь отныне может идти только о том, чтобы расследовать, как эти законы проявляются в сугубо конкретных условиях, как они обнаруживаются в химических, экономических, логических и т.д. явлениях.

Исследование «всеобщих форм и закономерностей» начинает казаться, по своему своему намерению, бесплодным. Более того, само представление о «всеобщих» (т.е. тождественных и мышлению и бытию) формах и закономерностях молчаливо признаётся синонимом гегелевского понимания предмета философии. Это Гегель, де, исследовал «формы тождества мышления и бытия», законы, тождественные процессу мышления с любым другим процессом. Эта задача имела, мол, кое-какое оправдание в начале XIX века, но никакого оправдания не имеет ныне, в XX веке...

Неслучайно в последнее время Гегеля часто упрекают не за идеалистическое толкование «тождества» законов мышления и законов предметной действительности, а за самое признание такового «тождества»; сам тезис о «тождестве мышления и бытия» объявляется синонимом идеализма его концепции. Стараясь выявить лишь формы и законы, «общие» мышлению с бытием, он остался, дескать, слеп к специфике и того и другого: «бытия», с одной стороны, и «мышления» – с другой.

Заслуга Маркса с этой точки зрения рисуется так: он понял бесплодность поисков законов и форм, общих «бытию вообще», и стал исследовать специфические законы и формы «конкретного бытия», непосредственно – экономики капитализма.

Поэтому всякий разговор о «всеобщих» формах и закономерностях неизбежно возвращает философию к точке зрения Гегеля.

<...> В конце концов логика является наукой о тех формах и законах, которые остаются инвариантными, идёт ли речь о «бытии» (разумеется, в позитивистском понимании), или же о самом мышлении, о формах тождества мышления и бытия, «логических» и «реальных» отношений, о формах, безразличных к пресловутой «специфике» как мышления, так и предметной действительности.

Это и неудивительно, ибо «тождество» законов мысли и законов предмета мысли (как бы последний ни понимался – материалистически, объективно-идеалистически или на манер субъективного идеализма) есть вообще естественная точка зрения логики. Альтернативой к «тождеству» оказывается взгляд, согласно которому один и тот же человек должен мыслить «предметную действительность» по одним правилам и законам, а мыслить о мышлении – совсем по другим, не имеющим ничего общего с первыми. Получается, что в человеке допускается как бы два совсем различных и несоизмеримых между собой «мышления». Мышление о фактах – это одно, а мышление о мышлении – другое «мышление». Иными словами, дуализм в понимании законов мышления и законов бытия ведёт и к дуализму в понимании самого мышления. В этом случае получается, что мышление учёного-логика и мышление естествоиспытателя – это тоже два принципиально не согласуемых типа мышления, каждый из которых протекает по «правилам», не имеющим ничего общего. В таком случае нет правил, одинаково обязательных и для логика, и для естествоиспытателя, хотя эти правила и формулирует не кто иной, как логик...

Отрицание «тождества» мышления и предметности равнозначно самоупразднению логики, ибо в этом случае логик и естествоиспытатель также мало нужны друг другу и также мало могут понять язык друг друга, как, скажем, математик и папуас. В таком случае «правила», разрабатываемые логикой, имеют значение только для самой чистой логики и никакого значения – для математика или биолога, для зубного врача или папуаса. Поэтому, собственно, в истории логики нельзя указать ни одного сколько-нибудь последовательного автора, который бы не принимал (тайно или явно, прямо или окольным путём) тезиса о тождестве законов мышления и законов «мыслимого» (то есть «действительности» в том или ином её понимании).

В противном случае неизбежно получается не только полный разлад логики с естествознанием, но и кое-что похуже, а именно, что логика может позволять себе всё то, что она запрещает всем другим наукам, и запрещать себе всё то, что она толкует как всеобщие обязательные для всех остальных наук нормы.

В таком нелепейшем положении Гегель блестяще уличил кантовскую концепцию, внутри которой Логика являет собой образец плохого следования тем самым правилам, постулируемым как правила, без соблюдения коих не может быть никакой «научности».

Кантовская логика, например, исходит из того, что «предмет» и его «явление» в формах сознания – это принципиально разные вещи. В логике же, как науке, принимается как раз обратный принцип: предмет и есть понятие, и есть форма сознания. Любой другой науке Кант разъясняет, что «форма знания» – это одно, а «содержание знания» – другое. В логике же принимается обратное положение: содержанием её оказывается как раз «чистая форма». В результате дуализм между предметностью и мышлением в системе Канта неизбежно выступает как дуализм внутри самого же мышления, как роковая невозможность соблюсти «тождество» в системе определенных «чистого разума»: непреходимая антиномичность основоположений рассудка – и их результатов в сфере анализа разума, высшей синтетической способности ума. Учение о мышлении, исходящее из непреодолимого дуализма форм и законов предметности, с одной стороны, и форм и законов мышления – с другой, воспроизводит внутри себя тот же самый дуализм, доходящий до антиномической остроты.

Поэтому, собственно, после Канта ни один сколько-нибудь последовательно мыслящий логик и не строил уже Логик на основе принципа «различия» между мышлением и предметностью, между законами того и другого. На этой основе оказалось невозможным в принципе, по самому существу дела, построить «непротиворечивую» логику, учение о мышлении, соблюдающее тот принцип, который постулируется как высший и исходный.

Все без исключения послекантовские попытки строить логику основываются на том или ином способе упразднить «различие» между мышлением и бытием в самом начале, в самом фундаменте построения. Все эти попытки идут либо по линии объективного идеализма, рассматривающего понятие как «подлинную» форму предметного мира вне головы человека, либо по линии субъективного идеализма, который старается представить «предмет» как феномен в сознании, то есть как «понятие» в субъективном смысле, либо, наконец, по линии материализма.

Материалистическое решение проблемы логики было достигнуто только Марксом и Энгельсом, на почве диалектики. Об этом придётся говорить ниже, после предварительного обзора других попыток.

Факт остаётся фактом: после Канта любая попытка строить логическую теорию исходит из тезиса о *тождестве* мышления и бытия, понятия и предмета, формы мыслящей деятельности и формы «мыслимого» материала, ибо в противном случае не может быть достигнуто тождество мышления с самим собой, тождество законов мышления логика и законов мышления естествоиспытателя.

Борьба после Канта разворачивается уже не по вопросу о том, принять или не принять такое «тождество», а исключительно о том, как понимать природу этого тождества.

Вопрос о «тождестве» форм мышления и форм предметности встал теперь так: обязана ли сама Логика (как научная теория) соблюдать те самые правила и принципы мышления, которые она диктует всем другим наукам в качестве всеобщих и необходимых условий достижения истины, или же она вправе позволять себе, и только себе, игнорировать их?

Вопрос, казалось бы, чисто риторический. Так его и сформулировал уже Фихте, обозвав Канта – и не без оснований – «драйфиртелькопфом»³ за то, что Кант в своём учении о мышлении допускает прямое отступление от тех всеобщих оснований, которые это учение призвано обосновать. Согласно самому же Канту, указывает Фихте, мы знаем «мир» только таким, каким мы его знаем, каким он дан нам в формах нашего мышления. Это положение абсолютно истинно как тавтология, положение чисто аналитического свойства, просто разъясняющее смысл «понятий», то бишь терминов.

Но в таком случае понятие «вещи в себе», т.е. вещи, какой она существует до её вступления в наше сознание, есть очевидная бессмыслица, очевидное нарушение закона «тождества» и «запрета противоречия». Если такая вещь «мыслится», то она также находится в нашем мышлении. Если же это – нечто, находящееся вне мышления, то она не мыслится нами. Как следствие, падает и тезис Канта, что формы явления вещи нашему сознанию есть нечто иное, чем формы её бытия до вступления в наше сознание. Ведь этот тезис предполагает понятие вещи в себе, понятие внутренне противоречивое, понятие объекта, о котором мы не имеем никакого понятия и ничего не можем сказать – ни того, что эта вещь такая же, какой мы её мыслим, ни того, что она не такая. Кант же всё-таки утверждает, что она «не такая», т.е. совершает запретный оборот мысли, делает прыжок от мысли – к бытию, к «трансцензусу».

Если, продолжает Фихте, вещь в себе есть понятие, вообще недопустимое в философии, то вопрос об отношении форм мышления (форм, в которых нам является вещь) к формам бытия вещи в себе (к формам, в которых она нам не является) – это тоже вопрос бессмысленный, «метафизический».

Вопрос об отношении форм мышления к формам предметности в его рациональном виде есть просто вопрос об отношении форм деятельности мышления – к формам его продукта, вопрос об отношении мышления к самому себе. А задача философии заключается в том, чтобы вторично, с сознанием, воспроизвести все те представления и понятия, которые мы раньше продуцировали совершенно бессознательно, не отдавая себе отчёта в том, что и как мы на самом деле делаем.

«Тождество» мышления и мыслимого здесь опять допускается, но уже на почве последовательного субъективного идеализма. Это тождество имеет место внутри мышления сначала бессознательно, а затем – сознательно.

Это – классический пример критики Канта «справа». Современные неопозитивисты, претендующие на новое слово в решении этой проблемы, на деле воспроизводят ту же самую аргументацию, только не рассуждают столь ясно и чётко, как Фихте.

«Тождество понятия и его предмета» – это исходный пункт и Карнапа, и Витгенштейна, то есть тех самых мыслителей, которые фыркают на всю классическую

³ Фихте – Рейнгольду, 18 июля 1880 г.: «Я приписываю изобретение трансцендентального идеализма Канту... но не “трём четвертям головы” персонально Канта (nur nicht dem “dreiviertel Kopf” individuellen Kant), а времени и Духу святому в Канте» (Johann Gottlieb Fichte's Leben und litterarischer Briefwechsel. Sulzbach, 1831, Bd. 2, S. 320).

философию, обвиняя её в «мистическом» отождествлении мышления и бытия, в «субстанциализации понятий» и прочих грехах.

Карнап, например, начинает с того, что объявляет «понятие» и «предмет» синонимами – по крайней мере, в логике как науке. В логике это синонимы уже потому, что «понятие» и есть «предмет» логики, а любой другой «предмет» принимается логикой во внимание лишь постольку, поскольку он уже выступил в мышлении, то есть предстал как «понятие».

Раз «понятие» есть такой же «предмет исследования», как и любой другой, то «предмет» и определяется как «родовое понятие», охватывающее и «предмет», и «понятие». Логика как наука в ряду других наук и выражает формы и закономерности, одинаково значимые и для «предмета», и для «понятия». Проводить различие между «понятием» и «предметом» логика как наука не может – в противном случае возникнет нужда ещё в одной науке, которая излагала бы принципы, одинаково значимые для любой науки, стало быть, и для логики. Различие между «понятием» и «предметом» вовсе не касается логики, это – чисто психологическое различие.

Спор о том, что означает известный «предметный знак» (т.е. словесный символ) – «предмет» или же «понятие», о том, касается ли известное положение (высказывание, Satz) «предмета» или «понятия» – это с точки зрения Логики праздный спор о названии. Логика должна формулировать лишь такие положения, которые остаются инвариантными, тождественными, идёт ли речь о «предмете» или о «понятии». Поэтому спор о том, что они выражают, не касается существа, значения, «функции» этих положений. Лишь логически не просвещённые философы способны принимать этот спор о способе словесного выражения одного и того же за принципиальную борьбу «реализма с идеализмом». Язык Логики нейтрален, её положения остаются теми же самыми, как их ни толкуй, относи их к «предмету» или к «понятию». Спор о том, что именно они выражают, не касается их собственного содержания, – это связано, мол, с самим существом логики как науки, излагающей правила и принципы построения любой теории, в том числе и теории мышления, то есть самой же Логике. В противном случае это будет уже не логика, а психология, выявляющая в мышлении те моменты, которые отличают, и только отличают, «мышление» как особый предмет – от предмета физики, химии, астрономии и прочих наук, те моменты, которые не имеют никакого значения ни для физики, ни для химии, ни для политэкономии.

Эта «нейтральность» положений логики вытекает прямо из того, что логика выражает те всеобщие принципы, которым любая другая наука подчиняется так же, как и сама логика, учение о понятиях. Стало быть, нейтральность её положений предполагается уже её предметом, предполагается тем, что её положения имеют силу и по отношению к «предмету», и по отношению к «понятию», одинаково значимы и для физики, и для химии, и для самой логики как теории.

«Мы можем, однако, пойти ещё дальше, и сказать прямо, не приводя здесь дальнейших оснований, что понятие и его предмет – это одно и то же. Но это тождество не означает субстанциализации понятия, а, скорее, как раз обратное – “функционализацию” предмета»⁴.

Здесь мы имеем дело с последовательно проведённой субъективно-идеалистической версией «тождества» законов мышления и законов «предмета» мышления. «Тождество» того и другого принимается здесь как факт, связанный с тем, что предмет берётся только в том виде, в каком он «функционирует» в нашем мышлении, в том виде, в каком он существует в сознании человека, под черепной коробкой мыслящего субъекта, – только как смысловое значение известного «предметного знака», и никак иначе.

⁴ Carnap R. Der Logische Aufbau der Welt. Berlin-Schlachtensee, 1928. S. 6.

Предмет есть то, что я имею в виду, произнося известный термин, – вот исходная точка рассуждений Карнапа, его дефиниция предмета. Если эту дефиницию принять, то, естественно, «предмет» и «понятие» оказываются синонимами.

Поэтому задача Логике как науки естественным образом сводится к прояснению «смысла слов» и к установлению единообразия в их употреблении, в правилах их сочетаний и т.д. А относительно «смысла слова» можно только договариваться, приходится к полюбовному соглашению. Это – неизбежный вывод, если принято, что вне мышления нет того прообраза, не зависящего от деятельности мышления, по поводу которого люди могли бы установить «согласие» в применении «предметных знаков», символики языка. Символика оказывается и исходным, и финальным пунктом такой логики, а «тождество» мышления и предмета выступает как тождество в употреблении знаков, как тождество связи знака с обозначаемым, то есть с его собственным «значением», с его «функцией» в системе знаков, с «функционализированным предметом».

С этой точки зрения, в глазах Карнапа, сливается в один неразличимый образ и объективный идеализм, и материализм. И там и здесь, де, совершается одна и та же «субстанциализация понятия», а именно тот оборот мысли, в результате которого значению словесного символа придаётся непосредственно предметное, «трансцендентно-метафизическое» значение и функция. Иными словами, и объективный идеализм, и материализм в глазах субъективного идеалиста совершают одинаковый грех по отношению к логике, полагая, что словесный символ выражает что-либо иное, кроме того значения, которое этому символу придаёт мыслящий, употребляющий сей символ, человеческий индивидуум.

Поэтому «тождество» понятия и предмета на языке неопозитивизма означает лишь единообразие в употреблении знака, символа. Отсутствие «тождества» – это отсутствие единообразия в употреблении знака в ходе операций с ним, в его «функционализации». Логика поэтому должна заботиться о разработке системы правил, которые препятствуют такому расхождению знака и его функции, или обеспечивать такой ход операций, при котором знак сохранял бы постоянно ту же самую функцию.

Логическое прояснение мысли может заключаться только в обнаружении «тождества» в употреблении знаков в операциях с ними. Поэтому логика в конце концов сводится к «логическому синтаксису языка», к правилам, обеспечивающим тождество знака самому себе; иными словами, – к этому выводу приходит Витгенштейн – её суть заключается в тавтологии, в абсолютном тождестве. «Доказательство в логике есть только механическое средство облегчить распознавание тавтологии там, где она усложнена»⁵.

Всеобщая форма «логического доказательства» – тавтология. Поэтому Витгенштейн абсолютно последователен, когда говорит, что Логика в конце концов невозможна как наука, как система предложений, имеющих смысл, а возможна либо как «деятельность», задачей которой выступает «прояснение мыслей», либо как доказательство своей собственной тавтологичности, т.е. бессмысленности.

Итогом «функционализации предмета» оказывается, таким образом, голая форма тождества, тавтология. Это – неизбежный результат субъективного идеализма в логике как науке. Логика как таковая становится невозможной, её предмет оказывается отнесённым к сфере языкознания, лингвистики. Субъективный идеализм, таким образом, всей практикой своих построений доказывает, что его позиция – это позиция капитуляции перед действительной проблемой, перед проблемой отношения форм мышления, как субъективной деятельности человека, – к формам предмета этой деятельности, формам бытия вещей вне головы, вне мышления. Субъективный идеализм утешает себя тем, что это – псевдопроблема.

⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М., 1958. С. 88.

Приложение 2

<Замечания о кандидатской диссертации А.А. Зиновьева>¹

«Отражение предметов посредством абстракций есть мышление (мысль)... Мысль есть обязательно связь абстракций» (8)².

Два этапа, две задачи мышления:

(1) практическое мышление. Здесь человек отвлекает в предметах их функции в его жизни как их свойства (например, способность животных служить пищей для человека);

2) теоретическое мышление. Здесь человек выявляет свойства предметов, не зависящие от его вмешательства и потребности (9)³.

«Анализ мысли со стороны предметного содержания есть анализ процесса соотношения мысли с предметом, глубже говоря – анализ зависимости мысли как субъективной связи от деятельности человека с предметами, анализ того, как одни связи (вещественная деятельность человека) обуславливают другие (умственную деятельность) (10)⁴.

Здесь вместо «глубже говоря» подчёркнуто совсем другое. «Предмет – мысль» приравнено к [отношению] «деятельность человека в предмете – его мысль о предмете». Это отношения разные. Если нет, тогда снимается различие «теоретического» и «практического» мышлений, двух задач, этапов, или как там ещё их назвать.

(13) «Хаотическое представление о целом или созерцание»⁵.

(14) «Предмет вообще имеет массу сторон, которые, будучи взяты изолированно, выступают как общие с другими предметами... Что превращает анализ общего в анализ специфики данного целого? Исключительно одно: раскрытие специфических связей целого. Общее здесь берётся не само по себе, а в его роли в данном целом, в его специфическом проявлении»⁶.

(18–19) «Эти связи представляют собою формы мысли, качественно отличные от форм формальной логики». А в качестве примера дано *ослабленное* описание конкретного как единства противоположностей. (Предмет А, его свойства В и С. В без С – абстрактное понятие об А. Рассмотрение В в связи с действием С дают конкретное понятие об А. Исследования С совпадают по результату с конкретным понятием об А.)

Почему не сказать так: конкретное должно содержать в себе понимание предмета как единства взаимоисключающих противоположностей? Ведь *не любые* В, С и т.д. дадут конкретное понятие. Лист бумаги: белый, прямоугольный... Об этом говорится выше? Почему же выше развитые определения здесь не вводятся в определение «форм мысли»? Ведь «формой мысли» в данном случае является категория единства противоположностей, единства во многообразии – в противоположность формально-логическому *тождеству* (формально-логическому варианту «единства»).

¹ 10 рукописных страниц содержат выписки и комментарии к тексту диссертационной работы. Написаны Ильенковым не ранее 1954 г., поскольку в скобках указаны номера страниц готовой диссертации.

² Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). С. 25.

³ Там же. С. 26.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 28–29.

⁶ Там же. С. 29.

Единство без противоположностей, слепое, равнодушное тождество, а рядом с ним – различия, противоположность без единства, различия, эмпирически конкретизируемые, но не постигаемые в единстве. Ведь в этом [состоит] различие форм мысли, известных формальной логике и неизвестных ей?

Назвать это «типом связи абстракций» мало. Более того, и это преломляется вверх ногами в головах Костеловского⁷ и других.

«Форма стоимости продукта труда есть самая абстрактная и в то же время наиболее общая форма буржуазного способа производства, который именно ею характеризуется как особенный тип общественного производства, а вместе с тем характеризуется исторически» («Капитал», т. 1, стр. 87).

К пониманию субстанции «феноменологии»:

«Товары суть вещи и потому беззащитны перед лицом человека... Чтобы данные вещи могли относиться друг к другу как товары, товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами: таким образом, один товаровладелец лишь по воле другого, следовательно, каждый из них лишь при посредстве *одного общего им* обоим волевого акта, может присвоить себе чужой товар, отчуждая свой собственный»⁸.

Здесь, кстати, и «общий им» (обоим) понимается в смысле единства противоположностей, а не в смысле *одинаковости*. *Одинаково* здесь, строго говоря, название, не больше, обозначающее некоторую реальность. Точно так же можно сказать, что «*общим*» для барана и мясника является такое отношение между ними, когда мясник перерезает горло барану. Формально-логическое общее как равнодушное тождество здесь вовсе ни при чём. Такое общее у мясника и барана ровно ничего не говорит о том специфическом отношении, в котором они находятся.

Хороший пример из Рикардо: «Стоимость есть... сила приобретать другие блага» («Начала», стр. 1)⁹.

Критики Рикардо [утверждают]: с повышением ренты падает прибыль. Умозаключение на каждом этапе, при условии отвлечения от соответствующих обстоятельств или при условии предположения их постоянными, правильны. Однако вывод ложен. В чем тут дело?

1. Само это рассуждение возможно лишь постольку, поскольку факт связи падения нормы прибыли с ростом ренты замечен без него. Всё рассуждение строится с целью обосновать его, определяется наперёд заданной задачей, а не объективной связью явлений.

2. Отсюда – искусственно произведённые абстракции. Рассуждающий закрывает глаза на обстоятельства, исключая возможность строить рассуждение. Так, стоит принять во внимание изменение рабочего дня, как всё рассуждение становится невозможным. Тем более, стоит принять во внимание изменение органического строения капитала, как выступает изменение нормы прибыли, совершенно независимое от изменения ренты.

Рассуждение логично лишь постольку, поскольку на каждом этапе абстрагируется односторонняя зависимость. Оно справедливо в целом только в таком смысле: при всех прочих постоянных обстоятельствах изменение одного явления ведёт к изменению другого, и больше ничего. Но объясняет ли это всеобщий факт понижения

⁷ Костеловский Владимир Александрович (1925–?), окончил МГУ в 1955 г., участник Московского логического/методологического кружка. Работал редактором издательства «Просвещение», впоследствии эмигрировал в США.

⁸ Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. М., 1937. С. 95. Курсив Ильенкова.

⁹ «Что из себя представляет меновая стоимость как свойство товара, рассматриваемая отвлечённо от обмена? Единственно, что можно пока сказать, следующее: это – способность, “сила приобретать другие блага”» (Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 39).

нормы прибыли? С таким же успехом можно “обосновать” любую эмпирически замеченную связь»¹⁰.

В этом зарыта собака! Зависимость объяснена? – Нет. Автор [Зиновьев] же утверждает: да. А в таком ли отношении вообще рента с прибылью? Позволительно ли отвлечение для того, чтобы *эту* связь понять?

Способ изложения и способ исследования.

«Можно ли говорить о различии способов, т.е. основных законов того и другого? Ни в коем случае. Те же самые законы, которые в истории исследования пробируются как тенденции хода исследования, в процессе изложения выступают как (скрытые или осознанные) принципы его... Так что можно говорить о различии *формы проявления* одних и тех же законов, одного и того же *способа* отражения в истории исследования и в “застывшем” изложении (22)... Изложение есть форма проявления исследования»¹¹.

Это показывает, как важно вскрыть ту «субстанцию», внутри которой производятся различия, в которой различия прежде всего выступают погашенными. Это – «абсолютный субъект», т.е. всеобщий логический разум человечества, не «исследователь», не «популяризатор», не «читатель», не «писатель». Всё это – спецификации логической субстанции человеческого познания...

«Ещё более нелепая конструкция получается в “Логике” [Гегеля]. Категории “качество” и “количество” – последовательные этапы мышления о предмете, значит (с точки зрения “тождества”) качество должно исторически фигурировать раньше количества»¹².

Опять нелепа не конструкция, а истолкование этой конструкции. У Гегеля точка зрения «тождества» вовсе не такова, какой её сделал т. Зиновьев. У Гегеля *исторически* категории появляются последовательно, во времени, только *в мышлении*. В природе же, взятой безотносительно к развитию мышления, эти категории существуют одновременно в бесконечном времени. И в идее (в абсолюте) они во времени не следуют одна без другой. Следуют они *только* в развивающемся *мышлении человека*.

«Единственным объектом исследования становятся процессы мышления, вырастающие на основе абстрагирования общего в чувственных предметах. Не случайно “субъективная логика” Гегеля ограничивается в основном рассмотрением известных в логике суждений и умозаключений (55)»¹³.

Стоит открыть шестой том¹⁴, чтобы убедиться, что это совсем не так. Ср. с тем, что в «Субъективной логике» вычитывает Ленин. Это всё что угодно, только не «известные в логике» фигуры. А потому и Гегель остаётся облаянным зазря: [мол,] у него «исследование сводится к возне с категориями и их порядком». То же самое можно с лёгкостью сказать и про «Капитал»...

Критика Гегеля слаба и по сути дела бессильна. О владении: «На самом деле владение есть одностороннее отношение целого, предполагающее и семью, и гражданское общество»¹⁵. Не знаю, как с семьёй и *какую* семью понимает автор (если ту же, что и Гегель, тогда это так же неверно, как и с гражданским обществом), а гражданское общество *владением* вовсе не предполагается. «Владеет» и охотник,

¹⁰ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 42–43.

¹¹ Там же. С. 34–35.

¹² Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 57. На поле возле выписанной цитаты – вопрос Ильенкова: «А если излагает не исследователь?».

¹³ Цитата выделена волнистой линией на полях, справа проставлены три вопросительных знака.

¹⁴ В Сочинениях Гегеля 6 том содержит заключительную часть «Науки логики» – «Субъективная логика или учение о понятии».

¹⁵ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 57.

который может быть и холостым, неженатым. Предполагает владение не «семью» (если не называть этим словом любой элемент общежития, где рождают детей), а вообще человека, присваивающего природу общественным трудом.

Что такое семья? Первобытная семья? Буржуазная? Это ведь вещи разные. Каждую же отдельную форму семьи владение не предполагает, а, наоборот, предполагается ею; именно на этом основании Гегель и дедуцирует семью (а он имеет в виду буржуазную семью, семью как клеточку товарно-капиталистического права) из «владения», как абстрактной формы буржуазной *собственности*.

Владение для Гегеля берётся как категория *права*, тогда как это категория экономическая, и вот *здесь-то идеализм* (а не там, где увидел автор).

Ср., кроме того, указание Маркса насчёт справедливости начала [философии права] с владения у Гегеля¹⁶.

Здесь слабый пункт:

«Противоречие всякого товара образуют потребительная стоимость и стоимость, но не тот факт, что товар есть *этот* единичный товар и товар вообще (51). Лишь в процессе отражения единичных предметов посредством абстракций единичное отражается как общее, и эти стороны мысленного образа предмета образуют противоречие; последнее есть действительное движущее противоречие – оно проявляется в особом движении мысли: “единичное есть общее”... Раскрыть диалектику атома? – Извольте: всякий атом есть этот атом и атом вообще»¹⁷.

«Смешение диалектики простейших процессов мышления с диалектикой предметов, о которых совершается мышление», приводит к следующему:

«1. Действительная диалектика исследуемого предмета не исследуется или затухивается... Логика получает предметность, но исчезает логика предметов. Всякий предмет фактически берётся лишь для иллюстрации трижды известных логических приёмов...

2. Конкретная диалектика процессов мышления, будучи абсолютизирована, утрачивает свою конкретность и превращается в искусственную схему»¹⁸.

3. Эти схемы выступают как мерки для действительности.

Вся эта тирада имеет смысл лишь при том предположении, что категории общего, особого, единичного понимаются по-челпановски¹⁹. Противоречие между столом вообще и отдельным столом, конечно, никого и ничего (в том числе и мысль) не движет. Но по отношению к «товару вообще» всё это уже неверно. Товар «вообще» – это вовсе не «общее». Быть товаром = находиться в сети взаимосвязей товарно-капиталистического организма. Противоречие между товаром «вообще» и *этим* товаром есть не что иное, как противоречие цены и стоимости. В сущности любой товар продаётся по стоимости, в явлении – никогда. Индивидуальное отклонение от стоимости – единичное. Закон – общее.

«Исследование простого должно выявить условия его *возникновения*. И это будет вместе с тем выявление одного из условий *возникновения* предмета в целом»²⁰.

¹⁶ «Гегель правильно начинает философию права с владения как простейшего правового отношения субъекта. Но никакого владения не существует до семьи или до отношения господства и подчинения, которые суть гораздо более конкретные отношения. Поэтому было бы правильно сказать, что существуют семьи, роды, которые ещё только *владеют*, но не имеют *собственности*» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. Ч. I. М., 1935. С. 192).

¹⁷ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 56. Курсив Ильенкова.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Преподавание логики до революции велось по учебнику неокантианца Челпанова. См.: *Челпанов Г.И.* Учебник логики (для гимназий и самообразования). Киев; Одесса, 1906. После войны, когда Сталин озаболел дефицитом логики в стране, челпановский учебник был переиздан ещё дважды в сокращённом виде.

²⁰ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 56. Курсив Ильенкова.

Существования, данного в созерцании, не «возникновения». Товар есть поверхность развитого буржуазного общества.

Клеточка (товар) – наиболее общее отношение. Любое отношение капитализма включает в себя товар как свою необходимую сторону.

«Даже Д – Д' есть товарное отношение, поскольку деньги как капитал превращаются в товар *благодаря “своему” свойству давать среднюю прибыль (70)*»²¹.

Зачем подчёркнутая часть фразы? Она совершенно лишняя и только затуманивает мысль. Любая категория содержит в себе товарное отношение как «сторону», как абстракт, вовсе не в том смысле, что товар есть общее, одинаковое, актуально в каждый миг существующее свойство любого отношения (как то думает формальная логика), а в том смысле, что любая другая форма необходимо *превращается, возвращается* в товарную, и без этого не может существовать как особая форма.

«“Клеточка” есть общая черта всех отношений предмета, но специфическая черта его отношений»²². (Тут нет противопоставления формальной логике.)

«Клеточка характеризует предмет специфически именно в силу её крайней общности для всех его отношений. В формальной логике – наоборот, чем меньшему числу и типу предметов присуще данное свойство, тем выше степень его особенности. Крайняя особенность – единичное, неповторимое (72)»²³.

Здесь совершенно справедливо замечает (видно) Копнин: «Это “наоборот” не доказано».

Далее: «Являясь внешней формой, средством движения, существования всех отношений предмета, клеточка выступает как явление, непосредственно, чувственно-практически данное созерцанию. Она прежде всего “бросается в глаза”» (75).

С критикой Гегеля вообще дело Schwach²⁴ (82–84).

Гегелю приписываются именно наивные глупости, непонимание того, из чего он всегда сознательно исходил. «Сова Минервы вылетает лишь в сумерки...»

²¹ Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. С. 68. Курсив Ильенкова.

²² Там же. С. 69.

²³ Там же. С. 70.

²⁴ Плохо, слабо (нем.).

Приложение 3

<Заметки о докладе А.А. Зиновьева>¹

<...> Ибо под «названием», «сконструированным из ряда данных терминов»², можно разуметь буквально любой термин, в коем осуществляется понятие, – в том числе и «мышление», и «искусство», и «субъект», и «господь бог», и «свобода», и т.д.

Возьмём в таком случае любой «термин», [удовлетворяющий условиям:] существование предмета, который ему «соответствует», не определяется путём прямого наблюдения, во-первых, и «не предполагается заведомо»³ [во-вторых].

Под такое определение в аккурат подходят такие термины, как «бог» и «материя». И тот и другой термины обозначают чрезвычайно сложные представления, откристаллизовавшиеся в общественном сознании в ходе тысячелетней эволюции знаний. Термины такие *есть*. С этим З. [Зиновьев] спорить не будет. Не может он спорить и с тем обстоятельством, что «существование предметов», соответствующих этим терминам, не может быть доказано ни прямым наблюдением, ни принято «заведомо». В противном случае пришлось бы объявить «несуществующим предметом» *всю историю философии* вплоть до наших дней.

Допустим, что мы сконструировали термин *П* из других терминов таким образом, что имеет место $X \vdash \bar{X}$ и $X \vdash X^4$. Дешифруем обратно. Это значит: $X = P\bar{p}$ (так или не так?)

Следовательно, сконструировали мы следующее. Если признать истинным высказывание, согласно которому некоторый предмет обладает определённым признаком, то надо признать истинным и высказывание, согласно которому тот же самый предмет *П* тем же самым признаком не обладает.

Если «предмет» – стул, на котором я сижу, то проблемы нет. Если предмет «задан определением», то примером может служить *любое* понятие, с необходимостью сложившееся в науке.

«Бог» и «всемогуц».

Бог может создать любой камень (*Пр*).

Даже такой, который он сам не сможет поднять? (*П \bar{p}*)

(Всемогуцество тогда всемогуцество, когда оно включает в себя своё собственное отрицание.)

Оставим господа бога. Возьмём философское понятие «субъект». Этот термин тоже «есть». Всё дело в его содержании. А анализ его по содержанию мигом даёт парадокс.

Субъект есть прямая антитеза *объекту*. Объект есть то, что в отношении к другому определяется этим другим, т.е. предмет, который существованием любого

¹ Три рукописных листа, начало не сохранилось, предположительное время написания – 1958 г. В том году на институтском семинаре по логике Зиновьев сделал доклад о парадоксах, возникающих при оперировании неопределёнными высказываниями. Приводимые Ильенковым формулы заимствованы из этого доклада. См.: Зиновьев А.А. О работе семинара по логике в Институте философии АН СССР // Вопросы философии. 1958. № 2. С. 170–172.

² «Мы можем сконструировать из ряда данных терминов такое название предмета, что без доказательства не всегда бывает очевидно, существует соответствующий ему предмет или нет. Оперирование же в теории высказываниями о несуществующих предметах может привести к парадоксам» (Там же. С. 170).

³ Для такого рода предметов двузначная логика бывает недостаточной, утверждал Зиновьев. Деление высказываний на истинные и ложные вполне справедливо лишь для «высказываний о предметах, существование которых определяется путём наблюдения» (Там же).

⁴ Из X следует \bar{X} и из \bar{X} следует X .

признака обязан «другому» (детерминирован извне). Субъект есть предмет, существование признака p у которого есть собственный, независимый от воздействия другого предмета атрибут.

Если З. [Зиновьев] не согласится принять эти определения, то почему я обязан принимать те определения, которые он даёт «множеству» и «нормальному множеству»? Ни на что другое, кроме как *на факт наличия такого определения в сегодняшней математике*, его правота не опирается.

Последней инстанцией в решении проблемы, *существует или не существует предмет, соответствующий данному определению, оказывается само данное определение*. Иными словами: я принимаю, что данное определение истинно, а если что-то в него не лезет (или даёт парадокс), то это «что-то» *не существует*.

Или: я принимаю некоторое определение, некоторую аксиому как абсолютную истину. Если её применение к некоторому предмету даёт парадокс, то этого предмета «не существует согласно определению».

Тут опять затем возможен и такой вполне «логический» ход: а что если определение логично? Даже если принять, что парадокс – это показатель несуществования, то вопрос решается двояко:

- 1) не существует предмет, соответствующий общему определению,
- 2) не существует предмет, соответствующий частному определению.

По замыслу Зиновьева, это один и тот же предмет. «Множество всех множеств». (Каталог всех каталогов.)

Я принимаю определение: «Множество $m = Df$. Предметы, в отношении которых истинно x », или = «предметы P , имеющие признак p ».

Выражение « P включается в m » означает, что предмет P также обладает признаком p .

«Введём определение нормального множества»⁵. Если каждый из предметов, в отношении которых известно, что он имеет признак p , включается в m (= круг предметов, обладающих признаком p), то круг предметов, обладающих признаком p , не обладает признаком p .

Так выглядит определение нормального множества, если опять размаскировать закорючки.

Или: если каждый из предметов, входящих в круг предметов, обладающих признаком p , обладает признаком p , то круг предметов, обладающих признаком p , этим признаком p не обладает.

⁵ Зиновьев А.А. О работе семинара по логике. С. 171.

Приложение 4

О «специфике» мышления¹

Мышление есть субъективная деятельность. Вопрос, следовательно, о «специфике» форм и законов мышления как субъективной деятельности встаёт как вопрос о различиях этих форм от форм и законов познаваемого, обрабатываемого этой деятельностью объекта. Знание как продукт этой деятельности «тождественно» объекту. Формы «готового» знания начинают противостоять, при этой постановке вопроса, формам знания «становящегося».

По видимости это так: та совокупность действий, которую голова должна проделать, чтобы отразить объект, не стоит ни в какой необходимой координации с формами этого объекта. Одно и то же «понятие» может быть получено разными методами деятельности мышления. Любой субъективный приём в эксперименте или в отыскании чувственных данных нелепо, ясное дело, рассматривать как «аналог» объекта.

(Чтобы «познать», я должен, например, отрезать собаке голову. Факт, действие субъекта – «отрезание головы», – отражает что-то в объекте? Это, конечно, ставит «материалистов» в тупик. Всё, что может возразить Дынник: «в конечном счёте, всё же, формы мышления “отражают” объект, являются “аналогами”»... Черкесов и Гагарин² просто выдвигают цитаты, с которыми Сашкина позиция и в самом деле не вяжется.)

Частным случаем этого положения является вопрос об аналоге противоречия общего и отдельного. Что это – противоречие развивающегося познания, всецело специфичное для последнего, или же «отражение»?

Такая постановка вопроса сама по себе нелепа, и Сашка сам ставит вопрос в этот нелепый план своей формулой: «сознание противоречиво не потому, что оно отражает противоречия предмета, а по своей собственной природе».

В таком случае резонен вопрос: а что это за его «собственная природа»? Что такое мышление по его природе? Ответ Сашки: «субъективная деятельность». Это – не ответ. Это очень верно, но не представляет собой ответа на вопрос, точно так же, как фраза «человек есть млекопитающее» не есть ответ на вопрос, что такое человек по его «собственной природе».

Субъективная деятельность – этим можно обозначить любое активное проявление человека. В том числе и «копание лопатой». И фраза Тюхтина³: «мышление тем более», – [тоже] ничего не доказывает.

Differentia specifica этой деятельности в том, что она воспроизводит объект. «Специфика» мышления, проистекающая из его «собственной природы», в том, что это – совокупность форм, в которых объект воспроизводится, воссоздаётся. «Изменение» объекта, происходящее в акте этой деятельности (которая, разумеется, как и всякая деятельность, что-то изменяет, пользуясь при этом орудиями, средствами, соответствующими цели) не только не подобно «копанию» как акту материально-практического изменения, но и прямо ему противоположно в основных характеристиках.

Что тут «изменяется»? Непосредственно изменяется *сознание*, знание. Переобрабатывается представление. С *объектом* самим по себе никаких изменений мышление не производит – исключая, разумеется, эксперимент, как форму проверки

¹ Машинописная страница, набранная через минимальный интервал. Написана по следам одной из дискуссий, состоявшейся в 1950-е гг. (в тексте упоминается выступление А.П. Гагарина, умершего в 1960 г.).

² М.А. Дынник, В.И. Черкесов и А.П. Гагарин – профессора МГУ.

³ Тюхтин Виктор Степанович (1923–1988), в 50-е гг. – аспирант МГУ, с 1961 г. – сотрудник Института философии, работал в секторе философских вопросов естествознания.

гипотезы, которая поэтому опять-таки предполагает деятельность мышления как форму теоретического отношения (в гегелевском смысле).

Следовательно, мышление есть деятельность, изменяющая сознание и только сознание, ни в коем случае не объект, остающийся инвариантом и моделью, к соответствию с которой мышление (как деятельность) приводит человеческое сознание, представление.

Это давно выявлено и Фихте, и Гегелем: деятельность мышления обращена (как изменяющая деятельность) на свои собственные продукты, то бишь «на себя». Изменяются понятия, представления, вообще формы знания. Продукт изменения, переработки имеющегося непосредственно знания и есть продукт «мышления», постоянно сравниваемый с «объектом». Последний не дан в созерцании, а дан в акте постоянного изменения его человеком как общественно-историческим субъектом практического действия.

Приложение 5

<Итоговая оценка А.А. Зиновьева>¹

<...> он отныне свою жизнь в науке. Но ломать голову над этой проблемой ему по каким-то причинам не захотелось. Может быть, потому что он не чувствовал в себе силы придумать тут что-нибудь «нетривиальное». Может быть и поэтому. Кто его знает.

И выход был найден. Наш герой объявил в один прекрасный день (его биографам, если такие найдутся, предстоит выяснить точную дату), что всё то, что он ранее считал «очевидным» и «тривиальным», надлежит отныне считать выдумкой. С проблемой было покончено одним махом. Диалектика? – Выдумка. Тезис о взаимном превращении противоположностей? – Выдумка. Противоречие? – Выдумка. Всё это не имеет никакого отношения к логике. Правила логики не имеют никакого отношения к реальному миру. Они суть только правила «оперирования высказываниями и терминами». Всё остальное – от лукавого.

Оригинально? Нетривиально?

Оригинального во всём этом было немного – одна лишь храбрость, с которой провозглашались известные тривиальности неопозитивизма в стране, где неопозитивизм никакой популярностью не пользовался. И всё.

Вот эта-то храбрость кому-то и стала чрезвычайно импонировать, по той причине, что неопозитивистская интерпретация «логики» недвусмысленно противостоит (ни для кого в мире это не секрет) материалистической диалектике, понимаемой как логика и теория познания. Другого секрета популярности работ Зиновьева в известных кругах людей нет. Пусть поклонники его «таланта» объяснят миру, что нового внесли его сочинения в логику как науку? Что именно он в этой науке «изобрёл»? Пусть они назовут хотя бы одну проблему в логике, которую он не то что решил, а хотя бы вразумительно поставил?

В данном отношении последуем рекомендации Зиновьева и «не будем приписывать исследователю способности решать неразрешимые задачи»².

Список литературы

- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 133 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3 т. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 453 с.
- Зиновьев А.А.* Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К. Маркса). М.: Канон+, 2022. 400 с.
- Зиновьев А.А.* Логика науки. М.: Мысль, 1971. 279 с.
- Зиновьев А.А.* На пути к сверхобществу. М.: Центрполиграф, 2000. 638 с.
- Зиновьев А.А.* О работе семинара по логике в Институте философии АН СССР // Вопросы философии. 1958. № 2. С. 167–172.
- Иллеш Е.Э.* «Дело Ильенкова» и «дело Зиновьева» // Человек. 2017. № 5. С. 7–24.
- Ильенков Э.В.* Гегель и проблема предмета логики // Философия Гегеля и современность / Под ред. Л.Н. Суворова и др. М.: Мысль, 1973. С. 120–144.
- Ильенков Э.В.* Концепция диалектики у С.А. Яновской // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Канон+, 2017. С. 332–343.

¹ Единственный уцелевший машинописный лист (стр. 2). Написан Ильенковым, предположительно, незадолго до смерти, уже после высылки Зиновьева в 1978 г.

² *Зиновьев А.А.* Логика науки. М., 1971. С. 11.

Ильенков Э.В. Ленинская идея совпадения логики, теории познания и диалектики // *Философия и естествознание* / Под ред. М.А. Маркова и др. М.: Наука, 1974. С. 40–61.

Ильенков Э.В. Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса «К критике политической экономии» // Ильенков Э.В. *Логика Маркса: Собр. соч. Т. 7.* М.: Канон+, 2023. С. 7–316.

Ильенков Э.В. О различии между «логическими» и «онтологическими» определениями // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960 / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Канон+, 2017. С. 343–354.

Лекторский В.А. Глазами очевидца // Ильенков Э., Коровиков В. *Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955)* / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Канон+, 2016. С. 5–13.

Мамардашвили М.К. Начало всегда исторично, т.е. случайно // *Вопросы методологии.* 1991. № 1. С. 44–53.

Маркс К. *Капитал.* Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. М.: Партиздат, 1937. 863 с.

Советская философия сознания: этюды по истории идей / Под ред. А.Д. Майданского. М.: Канон+, 2023. 336 с.

Челпанов Г.И. *Учебник логики (для гимназий и самообразования).* Киев; Одесса, 1906. 177 с.

Carnap R. *Der Logische Aufbau der Welt.* Berlin-Schlachtensee: Weltkreis-Verlag, 1928, 290 S.

Johann Gottlieb Fichte's *Leben und litterarischer Briefwechsel.* Sulzbach, 1831, Bd. 2, 476 S.

Evald Ilyenkov and the Moscow Logical Circle: Materials of Polemics

Anrey D. Maidansky – Doctor of Sciences in Philosophy, Professor. Belgorod National Research University. 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: amaid@rambler.ru

Elena E. Illesh – Candidate of Sciences in Psychology, research fellow. Belgorod National Research University. 85 Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation; e-mail: elillesh@gmail.com

The publication deals with an almost forgotten dispute between two currents of Russian philosophy that emerged on the threshold of the “Thaw”. Its leaders were Evald Ilyenkov and Aleksander Zinoviev, both of whom had just graduated from Moscow State University. The dispute revolved around the methodology of Marx’s *Capital* and then developed into a discussion of the subject of dialectical logic and the specifics of thought. Ilyenkov’s archive preserved the theses of his speeches and critical notes on the position of Zinoviev and his followers from the Moscow Logical Circle. This material is published below. The accompanying article reconstructs the contexts of the polemic – theoretical, cultural-historical and personal – and weighs the arguments of each side. The inadequacy of labelling Ilyenkov as a “gnoseologist” is demonstrated. The thesis he defends about the dialectical identity of thinking and being invalidates the very distinction between gnoseology and ontology. The Kantian origins of Zinoviev and his teachers, professors at the Moscow State University, in solving the problem of the specificity of thought are revealed. All of them proclaimed the distinction between the “subjective dialectic” in the human mind and the “objective dialectic” of the external world – in opposition to the principle of the identity of thinking and being, which they regarded as the “Hegelian mysticism”. Ilyenkov, on the other hand, pointed out that this identity is fulfilled before our eyes in practice – in the processes of human labour.

Keywords: dialectical logic, gnoseology, ascent from the abstract to the concrete, specificity of thought, identity of thinking and being, Aleksander Zinoviev, Merab Mamardashvili, Soviet philosophy, Moscow Logical Circle

For citation: Maidansky, A.D., Illesh, E.E. E.V. Ilyenkov i Moskovskij logicheskij kruzhok: materialy polemiki [Evald Ilyenkov and the Moscow Logical Circle: Materials of Polemics], *Otechestvennaya filosofiya* [National Philosophy], 2024, Vol. 2, No. 2, pp. 62–86. (In Russian)

Funding: The study is funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number 24-18-00130 “E.V. Ilyenkov and the End of Classical Marxist Philosophy”.

References

- Wittgenstein, L. *Logiko-filosofskiy traktat* [The Logico-Philosophical Treatise]. Moscow: Inostranoy literaturny Publ., 1958. 133 p. (In Russian)
- Hegel, G.W.F. *Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. Nauka logiki* [Encyclopaedia of Philosophical Sciences: in 3 vol. Science of Logic. Vol. 1]. Moscow: Mysl' Publ., 1974. 453 p. (In Russian)
- Zinov'ev, A.A. *Voskhozhdenie ot abstraktnogo k konkretnomu (na materiale "Kapitala" K. Marksa)* [Ascent from the Abstract to the Concrete (On the Material of "Capital" by K. Marx)]. Moscow: Kanon+ Publ., 2022. 400 p. (In Russian)
- Zinov'ev, A.A. *Logika nauki* [Logic of Science]. Moscow: Mysl' Publ., 1971. 279 p. (In Russian)
- Zinov'ev, A.A. *Na puti k sverkhobshchestvu* [On the Way to Super-Society]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2000. 638 p. (In Russian)
- Zinov'ev, A.A. O rabote seminarov po logike v Institute filosofii AN SSSR [On the Work of the Seminar on Logic at the Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences], *Voprosy filosofii* [The Problems of Philosophy], 1958, Vol. 2, pp. 167–172. (In Russian)
- Illesh, E.E. "Delo Ilyenkova" i "delo Zinov'eva" ["Ilyenkov's Case" and "Zinoviev's Case"], *Che-lovek* [The Human Being], 2017, Vol. 5, pp. 7–24. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. Hegel i problema predmeta logiki [Hegel and the Problem of the Subject of Logic], in: *Filosofiya Hegelya i sovremennost'* [Hegel's Philosophy and Modernity], pod red. L.N. Suvorov et al. Moscow: Nauka Publ., 1973, pp. 120–144. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. Kontseptsiya dialektiki u S.A. Yanovskoy [Concept of Dialectics in S.A. Yanovskaya], in: Ilyenkov, E. *Ot abstraktnogo k konkretnomu. Krutoj marshrut. 1950–1960* [From the Abstract to the Concrete. A Steep Trail. 1950–1960], avt.-sost. E. Illesh. Moscow: Kanon+ Publ., 2017, pp. 332–343. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. Leninskaya ideya sovpadeniya logiki, teorii poznaniya i dialektiki [Lenin's Idea of the Coincidence of Logic, Theory of Cognition and Dialectics], in: *Filosofiya i estestvoznaniye* [Philosophy and Natural Science], pod red. M.A. Markov et al. Moscow: Nauka Publ., 1974, pp. 40–61. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. Nekotorye voprosy materialisticheskoy dialektiki v rabote K. Marksa "K kritike politicheskoy ekonomii" [Some Issues of Materialist Dialectics in the Work of K. Marx "On the Critique of Political Economy"], in: Ilyenkov, E.V. *Logika Marksa: Sobr. soch. T. 7.* [Marx's Logic. Collected Works. Vol. 7]. Moscow: Kanon+ Publ., 2023, pp. 7–316. (In Russian)
- Ilyenkov, E.V. O razlichii mezhdu "logicheskimi" i "ontologicheskimi" opredeleniyami [On the Difference Between "Logical" and "Ontological" Definitions], in: Ilyenkov, E. *Ot abstraktnogo k konkretnomu. Krutoj marshrut. 1950–1960* [From the Abstract to the Concrete. A Steep Trail. 1950–1960], avt.-sost. E. Illesh. Moscow: Kanon+ Publ., 2017, pp. 343–354. (In Russian)
- Lektorskiy, V.A. Glazami ochevidttsa [Through the Eyes of an Eyewitness], in: Ilyenkov, E., Korovikov, V. *Strasti po tezisam o predmete filosofii (1954–1955)* [Passions for Theses on the Subject of Philosophy (1954–1955)], avt.-sost. E. Illesh. Moscow: Kanon+ Publ., 2016, pp. 5–13. (In Russian)
- Marx, K. Kapital. T. 1 [Capital. Vol. 1], in: Marx, K., Engels, F. *Soch. T. 17.* Moscow: Partizdat Publ., 1937. 863 p. (In Russian)
- Mamardashvili, M.K. Nachalo vseгда istorichno, t.e. sluchajno [The Beginning is Always Historical, i.e. Accidental], *Voprosy metodologii* [The Problems of Methodology], 1991, Vol. 1, pp. 44–53. (In Russian)
- Sovetskaya filosofiya soznaniya: etyudy po istorii idej* [Soviet Philosophy of Consciousness: Etudes on the History of Ideas], pod red. A.D. Maidanskogo. Moscow: Kanon+ Publ., 2023. 336 p. (In Russian)
- Chelpanov G.I. *Uchebnik logiki (dlya gimnaziy i samoobrazovaniya)* [Textbook of Logic (for Gymnasiums and Self-education)]. Kiev, Odessa, 1906. 177 p. (In Russian)
- Carnap, R. *Der Logische Aufbau der Welt.* Berlin-Schlachtensee: Weltkreis-Verlag, 1928, 290 S.
- Johann Gottlieb Fichte's Leben und litterarischer Briefwechsel.* Sulzbach, 1831, Bd. 2, 476 S.